

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Infinity
ЗНАК
БЕСКОНЕЧНОСТИ

Ульяна Соболева

Ульяна Соболева

Восемь. Знак бесконечности

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=63019481

SelfPub; 2020

Аннотация

Кэтрин Логинов, детский психолог из семьи русских эмигрантов, не может смириться с собственной ошибкой, допущенной в лечении юной пациентки. В ходе расследования Кэтрин знакомится с загадочным итальянцем-миллионером и понимает, что именно о нём писала в дневнике Анита. Данте Лукас Марини – сексуальный, развращенный до мозга костей дьявол, склонный к садизму. Он играет с Кэтрин в изощренную игру по его странным, непонятным правилам.

Содержит нецензурную брань.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	18
Глава 3	25
Глава 4	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Ульяна Соболева

Восемь. Знак бесконечности

Глава 1

Запись № 7

– Именно это тебя беспокоит? Эти странные сны?

– Нет. Меня беспокоят не сны, а реальность.

– У тебя были проблемы с наркотиками?

– Я курила только травку один раз. Разве вы считаете это проблемой, доктор?

– Нет, я не считаю это проблемой. Мы сейчас говорим о том, что именно считаешь проблемой ты.

Резкий звук и потом тишина... голос слышен издали.

– Проблема в том, что он приходит ко мне не только во сне. Проблема в том, что я вижу его наяву. Он играет со мной... Вы понимаете? Он со мной играет в кошки-мышки. Я больше так не могу.

– Успокойся. Сядь. Вот – выпей воды. Значит, ты считаешь, что некий мужчина, приходит к тебе по ночам и издевается над тобой?

– Я так не считаю... это вы считаете меня сумасшедшей. Вы и моя сестра хотите запереть меня в психушку, вы...

– Анита, никто не желает тебе зла. Никто не хочет тебя куда-то запереть, мы хотим тебе помочь. У тебя проблемы с полицией. Четыре ареста за проникновение на чужую территорию. Твоя сестра беспокоится о тебе, но сначала мы должны понять, что происходит на самом деле. Зачем ты пришла к дому господина Данте? Зачем изрисовала ограду пиктограммами?

– Потому что он сводит меня с ума... приходит, а потом исчезает. Манит и отталкивает. Бьет и ласкает. Режет и кромсает меня... вам не понять. Вы мне не верите. Смотрите. Вот что он со мной делает.

Шум... всхлипывания, помехи.

– Твоя сестра говорила, об этих порезах. Чем они нанесены?

– Лезвием стилета. Итальянского. Данте всегда носит его с собой. Когда мы занимаемся сексом, он режет мою кожу и слизывает кровь...его глаза, они становятся черными, его ноздри трепещут и...

– Анна, а ожоги? Как появляются ожоги?

– Горячий воск...

– Все происходит по обоюдному согласию?

– Да, но...он крадет мою душу. Вы не понимаете, что он убивает меня? Вы так ничего и не поняли? Этот мужчина

– дьявол. Он играет с вами в свои игры, пока вы не умрете. Пока жизнь не начнет казаться вам мучительней смерти, пока вы не почувствуете себя грязью.

– Анна, мы во всем разберемся, я тебе обещаю. Наша следующая встреча состоится в пятницу утром.

Пока что попробуй спать в другой комнате, гулять несколько часов перед сном, и...ты умеешь рисовать, верно? Нарисуй мне до пятницы что-нибудь. Нарисуй мне свою мечту, хорошо?

– Вы поможете мне? Вы сможете мне помочь? Я хочу забыть о нем... пожалуйста, помогите мне. Я задыхаюсь. Мне страшно...

– Конечно, я тебе помогу. Обязательно. И ты должна снова вернуться к учебе. Твои друзья скучают по тебе. Подожди меня, я сейчас вернусь, хорошо?

Шаги, звук открывающейся и закрывающейся двери. Шум. Помехи. Тихий шепот. Снова помехи.

– Я принесла тебе и себе «пепси». Хочешь трубочку или одноразовый стакан?

– Я не пью «пепси», я пью только воду. Как вы можете мне помочь, если ничего обо мне не знаете?

– Я узнаю тебя. Ты все мне расскажешь, если захочешь, и мы поможем тебе вместе, хорошо?

– Хорошо. Я вам верю. У вас очень красивые и светлые глаза. Когда я смотрю в них – я вам верю.

«Анна Серова. Девятнадцать лет. Наносит себе увечья лезвием бритвы, прижигает кожу сигаретами, страдает депрессией и галлюцинациями. Склонна к мазохизму. Увлекается тяжелой музыкой, замкнутая, недружелюбная...»

Я выключила и отложила диктофон, закрыла глаза, постукивая шариковой ручкой по столу. Потом перевела взгляд на монитор ноутбука, прокрутила страницы файла вниз и быстро напечатала:

«Закрыто. Смерть пациента. Суицид»

Зацепила файл «Анна Серова» курсором и перетасила в отдельную папку без названия.

Я должна была понять, почувствовать, а я не поняла. Мой проигрыш, и цена слишком высокая.

Еще несколько секунд смотрела на картинку рабочего стола – зимний пейзаж. Потом открыла поисковик и медленно вбила имя: «Данте Лукас Марини». Моментально появились результаты поиска.

Я прокрутила их вниз, вверх. Потом нажала ссылку на "Википедию" и внимательно посмотрела на фотографию мужчины. Красивый. Брутальный, я бы сказала. Старший сын итальянского судовладельца и дочери русской актрисы-иммигрантки. Пятеро братьев Марини, наследники игорного бизнеса, нескольких сетей итальянских ресторанов и недвижимости в России. Все имеют двойное гражданство. Меня интересовал сам Данте. Тридцать пять лет. Тот воз-

раст, когда женщины тратят деньги на пластические операции, а мужчины только начинают чувствовать вкус жизни, собственной власти и опыта. Что могло связывать девочку из среднестатистической семьи русских эмигрантов, живущую в нашем захолустном квартале и этого богатого прожигателя жизни? Где они могли пересекаться? Абсурд.

Зазвонил сотовый, и я ответила, даже не взглянув на экран дисплея.

– Мне нужно поговорить с вами, я просто обязана с вами поговорить.

Болезненно поморщилась, нащупала пачку сигарет и закурила.

– Конечно, Юлия, мы обязательно поговорим. Я назначу вам встречу.

– Мне нужно сегодня, сегодня...

Я выдохнула и отшвырнула зажигалку подальше. Да, большинство моих пациентов русскоговорящие. Они идут ко мне, потому что я работаю с ними на их родном языке.

– Вам сегодня нужно отдохнуть, прийти в себя. Мы поговорим в другой день.

– В полиции сказали, что она... она была под действием наркотика, когда порезала вены. Я не верю. Она не могла. Вы же говорили с ней. Вы заверили меня, что это возрастное, что это пройдет и что при правильном курсе лечения... Аня не принимала наркотики. Никогда и она... она так любила

жить. Когда вернулась от вас, она хотела снова начать рисовать... Я...

– Юлия, я знаю, что вам сейчас очень тяжело. Я все понимаю. Я искренне вам соболезную.

– Мне кажется, в полиции что-то скрывают. Мы говорили с Аней вечером, я уехала и ... она пропала. Они искали ее четыре дня. Четыре. Зачем было уходить, она могла это сделать дома, я не понимаю... ничего не понимаю.

Я судорожно сглотнула, на душе возникло неприятное чувство, словно меня в чем-то обвиняют.

– Я встречусь с вами завтра, хорошо? Завтра после обеда и мы все обсудим. Обязательно. Договорились? Мой секретарь свяжется с вами и назначит время.

Закрывает сотовый и выдохнула, сжала виски пальцами. Мне срочно нужен отдых, хотя бы на неделю.

«Я ненавидела это место, я ненавидела свою жизнь, которая напоминала мне тягучую и вязкую рутину.

Но больше всего я ненавидела то, что я не такая, как все, но я им этого никогда не покажу, лучше перегрызу себе вены зубами. Кому-то моя депрессия покажется бешенством с жиру, но тогда это было катастрофой. В пятнадцать лет, когда жизнь и так кажется полной дрянью, тебя вырывают из привычной среды и швыряют в чужой мир, где ты учишься плавать и тыкаешься, как слепой котенок, из

стороны в сторону. По началу, когда родители сказали мне, что мы переезжаем, я обрадовалась. Я даже гордилась, что вырвусь из этой рутины, буду слать своим друзьям фотки через интернет и ходить по лазурному пляжу полному смуглых парней. Я сама себе завидовала, особенно глядя, как гордится отец своим новым назначением, а мать и сестры лихорадочно собирают сумки, раздаривают свои вещи и предвкушают переезд.

Эйфория длилась ровно несколько дней – пока я не поняла, что они меня ненавидят. Ненавидят во мне всё. Боже, какой дурой я была. Моя жизнь была просто раем до встречи с ним. Хотя, я уже не знаю, где рай, а где ад. Вы когда-нибудь видели зверя в человеческом облици? Нет, без мистической дряни, которую смотрят мои друзья. Настоящего зверя, в котором нет ничего человеческого, кроме внешности. Я видела, чувствовала, познала в полной мере. Это – не человек. Он пожирает вашу волю, связывает ментально, ставит на колени всех, кто приближается к нему. Покрывает вас грязью, раздирает до крови ваше сердце. Это Дьявол. Вам не поможет ни одна молитва...и самое страшное, я безумно люблю его»

Захлопнула дневник Аниты и посмотрела в окно. Я её понимала. Это мерзкое чувство, когда ты отличаешься от всех: цветом волос, глаз, кожи, менталитетом, дурацким русским именем. Да всем. Белая ворона в полном смысле этого слова.

Я тоже это проходила, не так остро, конечно, но проходила, а потом привыкла. Я выкрашивала свои светлые волосы в черный цвет, так, как темные девочки со смуглой кожей были в моде, я загорала до волдырей и мечтала носить коричневые линзы. Я не хотела быть русской, но всё равно всегда ею была и от этого никуда не деться. Меня называли «матрешкой» за светлую кожу, румянец и округлость. В колледже я была пышкой, и я себя ненавидела...

«– Ты ведешь дневник?»

– Иногда записываю свои мысли.

– Тебе это помогает?»

Она засмеялась, и я увидела, как Ани поправила прядь светлых волос за ухо. Ее светло-карие глаза улыбка не тронула.

– Меня это отвлекает, а помочь мне никто не сможет, даже вы, Кэтрин

Она никогда не называла меня Катей и редко говорила со мной по-русски. Хотя это помогло бы раскрыться больше. Просто она, как и многие дети-иммигранты, пыталась слиться с массой, не отличаться от них, отрицая свою этническую принадлежность.

«– Я очень стараюсь, и вместе у нас получится. Вот увидишь. Иногда случается, что юные девушки увлекаются парнями постарше, актерами, знаменитостями, фантазируют и их чувства не взаимны, но это не трагедия, Ани, это опыт.

Она снова усмехнулась.

– Вы считаете, что это мои фантазии, да?

– Твоя сестра читала дневник? Ты ей показывала?

– Зачем? Я его спрятала. Она никогда его ТАМ не найдет».

А я нашла... Случайно. В её комнате, в которую после похорон меня привела Юлия. Я помню, как распахнула окно, задыхаясь от нахлынувшей тоски. Чужое горе иногда давит сильнее собственного. Эти рыдания, шепот, поминки, тихие шаги за дверью и комната, в которой всё осталось так, как и в последний раз, когда Анита вышла отсюда, чтобы больше не вернуться. Она спрятала дневник в проеме между оконными рамами, в своеобразном углублении. Я так и представляла себе, как Ани сидит на подоконнике, свесив ноги на улицу, и пишет. Она рассказывала мне об этом.

Сигарета тлела в пепельнице, а я смотрела в окно на темное небо. Мне не давало покоя, что её нет. Меня это убивало. Ли говорила, что так бывает у всех с первым личным покойником, потом, со временем, перестаешь принимать близко к сердцу. Я не хирург и даже не медсестра, я – школьный психолог, у меня не должно быть личных мертвецов. Ко мне не привозят искалеченных пациентов, истекающих кровью, я латаю дыры в душе подростков и всегда делаю это удачно.

Отложила тонкую тетрадь и шумно выдохнула. Несколько дней назад ко мне приходили из полиции, задали пару стан-

дартных вопросов и ушли. Никто из них не спросил о Данте.

Я наклонилась к ноутбуку и пошевелила мышкой, экран осветил полутемный кабинет.

Данте Лукас Марини... Вспомнилась «Божественная комедия». На весь экран его лицо. В который раз за эту неделю. Порочная красота. Та, от которой над верхней губой проступают капельки пота, а ладони невольно потеют от осознания собственного убожества. Властный взгляд голубых глаз, слегка исподлобья, самоуверенный и ироничный. Циничный, красивый сукин сын, который считает, что трахнул весь мир и поставил фортуна раком и имеет её как дешёвую портовую шляпу вот уже несколько лет.

Пролистала ещё несколько светских сплетен. Тот тип мужчин, который возомнил себя полубогом. С красивой физиономией, бабками, девками, нюхающий кокаиновые дорожки и запивающий их мохито. Скандал на скандале. Вереница брошенных любовниц.

Фото с самыми популярными звездами, громкие романы, грязные подробности личной жизни. Я изучала Данте неделю. С утра до вечера. Часами вычитывала информацию и искала. Мне кажется, я могла нарисовать его лицо и голливудскую белозубую улыбку с закрытыми глазами. Не знаю, что я хотела найти, хоть намек на пристрастие к «Теме», нечто компрометирующее. К вечеру снова разболелась голова, и я проглотила две таблетки аспирина.

Открыла новую страницу браузера и потянулась за сига-

ретой, разглядывая шикарный пятиэтажный особняк.

«Данте Лукас Марини сегодня отметил своё тридцатипятилетие. Вечеринка ничем не уступала Дню Независимости. Собрались...»

Я посмотрела на дату: «13 ноября...». Скорпион. Усмехнулась и откинулась на спинку дивана, подтянула ноги под себя. Что их могло связывать? Что? Где он и где она? Разница в возрасте, социальный статус и вообще.

Вчера я была в Вудсайде, проехала возле его особняка. Наматывала круги и лихорадочно думала о том, что Аня, Анита...никогда бы не попала в этот дворец, так же, как и я. Это всё её фантазии. Одно не давало покоя – фантазировать можно об актере, певце, модели, спортсмене, в конце концов, но о бизнесмене, эдак на семнадцать лет старше её, чьи фото красовались на страницах «Форбс», а не в молодежных журналах... Единственная нестыковка. Впрочем, может она придумала себе фантазию о богатом принце на белом коне и, увидев фотографии в интернете или в газетах, сделала эту мечту более реальной? Но неужели Анита вместо журнала «COOL» просматривает именно «Форбс»? Да, именно, Анита, девочка с ногтями, выкрашенными в черный лак, с темно-синей подводкой на огромных глазах, слушающая Мерлина Мэнсона, именно тот типаж, который смотрит бизнес-журнал... Я криво усмехнулась...или я никчемный психолог, который так и не понял юную пациентку.

Ли позвонила мне днем, точнее она трезвонила безостановочно, и я, после дозы снотворного, с тяжелой головой, с трудом могла поднять руку, не то что стащить себя с постели, но эдак с двадцатого звонка я все же ей ответила.

– Катька, хорош спать, матрешка, давай просыпайся у меня для тебя просто офигенная новость, – меня всегда смешило то, как она произносила моё имя, с характерной для иностранцев мягкостью.

Мы дружим ещё с колледжа, странно, что жизнь не расшвыряла нас в разные стороны, но в целом это заслуга Ли, не моя. Она цеплялась за нашу дружбу как за спасательный круг. Ли – итальянка, и, на самом деле, и не Ли вовсе, а Анна Лиза, и только она могла безнаказанно называть меня матрешкой.

– Лиинии, я уснула в пять утра, сегодня у меня выходной,...

– Знаю, и почему не спала, тоже знаю.

Я с трудом содрала себя с постели и босиком пошлепала на кухню, зажимая телефонную трубку между плечом и ухом, включила электрочайник и открыла холодильник.

– Давай, говори, я слушаю.

Головная боль набирала новые обороты. Проклятая жара, от духоты всегда начинается мигрень. Не помогает даже кондиционер.

– Я сегодня вытащу тебя из твоего склепа. Такую вечеринку ты не можешь пропустить.

Я тихо застонала, наклонившись за молоком.

– Ли, у меня голова раскалывается, какая к черту вечеринка?

– Мы заключили сделку, невероятную сумасшедшую сделку и нас пригласили в закрытый клуб. Ты даже не представляешь, какие люди туда приедут. Давай, ну, не будь занудой. Ты уже год никуда не ходишь. Забудь своего русского ублюдка копа Алекса и начинай жить сначала. Твои чокнутые малолетки тоже обождут.

Поморщилась, как от зубной боли. Напомнила. Какого черта – не понятно. Я и так его забыла.

– Я подумаю, хорошо?

– Нечего думать. Мы едем туда вместе и точка. В отрыв. Да. Ты и я. Как когда-то давно, когда ты не была занудой. Помнишь? Мы пьяные, полумертвые от выпитой русской водки, идем босиком по трассе и орем твою «Катюшу».

Я невольно усмехнулась. Помню, конечно. Полицейский участок тоже помню.

– Матрешка! Я обижусь и внесу тебя в черный список, где только можно, я не приду на твой день рождения, я не буду будить тебя по понедельникам и вообще, я перестану называть тебя матрешкой. Ты больше не прочтешь ни одного моего статуса в Фейсбуке. И не узнаешь о моем новом бойфренде. Невероятно сексуальном бойфренде.

Я засмеялась. Страшная угроза. На самом деле Ли была

единственной, без кого я не представляла себе завтрашний день. Она всегда была рядом. Черт, если говорить людям, сколько лет мы дружим – они легко вычислят наш возраст.

– Хорошо. Я точно помру без твоих статусов, без подробностей о твоей сексуальной жизни и поэтому я поеду на эту дурацкую вечеринку.

Она засмеялась.

– Ты не пожалеешь. Кстати, вчера звонила твоя мама.

Я кивнула и плеснула молоко в кофе.

– Сказала, что не дозвонилась к тебе.

Я снова кивнула сама себе. Естественно не дозвонилась, я же с ней не разговариваю уже несколько лет и Ли прекрасно об этом знает.

Я вернулась к дивану и бросила взгляд на тетрадь, такая обычная школьная тетрадь, слегка потрепанная с помятыми краями, светло-голубая, в разводах, и в ней чья-то жизнь. Чужая.

Глава 2

Данте сидел, откинувшись на бордовую, кожаную спинку узкого дивана и медленно затягивался сигаретой, кольца дыма поднимались к высокому потолку с мелкими красными неоновыми лампочками, сигаретный смог смешивался с искусственной цветной дымкой. В полумраке не было видно его лица, только короткие темные волосы, щетину на широких скулах и очертания губ.

Его торс оставался в тени, и медленно вращающиеся лампочки освещали лишь темно-серые элегантные брюки, начищенные до зеркального блеска туфли и светлое пятно рубашки с аккуратно завязанным галстуком. Когда он подносил сигарету ко рту, на пальце сверкала массивная печатка, а на манжетах платиновые запонки.

На круглой маленькой сцене с шестом извивалась стриптизерша, стройная, гибкая, как сиамская кошка. Ослепительно сверкали стразы ее своеобразного костюма, не оставлявшего простора для воображения, а длинные черные волосы рассыпались по блестящей сцене, когда она запрыгивала на шест и эротично соскальзывала с него вниз головой.

В этот момент в ВИП-комнату двое мужчин втащили яростно сопротивляющегося парня и швырнули к ногам Данте. Тот жалобно всхлипывал по-итальянски:

– Я ничего не говорил, ничего. Это Фрэнк. Данте, ты же меня знаешь. Я бы не стал болтать о Чико. Никогда не стал бы...

Данте резко наступил на голову мужчины и вдавил её в пол каблуком туфли, несчастный взвыл от боли, скорчился, тяжело дыша и срываясь на хрипы.

– Фрэнк?

Стиптизерша ойкнула и сделала шаг к ступеньке, но, тут же услышав властное «продолжай» уже по-английски, снова начала извиваться в танце, стараясь не смотреть в сторону скрюченного на полу мужчины и двух других, которые заломили ему руки за спину.

– Я повторяю свой вопрос, Чиро, это был Фрэнк? У тебя есть шанс сказать правду, ты же знаешь, как я ненавижу ложь.

Мужчина заскулил и простонал.

– Да... Это Фрэнк. Это он, ублюдочный сукин сын.

Данте подался вперед:

– Ублюдочный сукин сын уже двадцать четыре часа остывает в морге с круглой дыркой между глаз.

Мирини кивнул парням и те за волосы приподняли Чиро с пола, удерживая его дергающееся тело. Данте медленно достал из внутреннего кармана пиджака стилет, покрутил в пальцах, трогая лезвие.

– Я говорил, что ненавижу ложь, Чиро. Говорил?

Мужчина трясся от страха, по щекам текли слезы.

– Данте, не убивай, Данте я виноват, но меня заставили, я...

Марини резко подался вперед и надавил на подбородок несчастного.

– Хочешь жить, Чиро?

Тот закивал, зажмурился, и под коленями по зеркальному полу растеклась светлая лужица.

– Вытащи язык.

– Дантеееее!

– Я сказал – вытащи язык. Выбирай: или язык, или я перережу твоё горло.

Стриптизерша остановилась, и её зрачки расширились от ужаса. Она видела, как беспомощно дергается стоящий на коленях мужчина и закрыла глаза, когда Данте взмахнул рукой. Двинулась со сцены, под дикие крики, заглушаемые музыкой, и снова услышала по-английски:

– Танцуй, сука!

Вернулась обратно, стараясь не смотреть на двух парней, которые тащат за волосы по полу третьего, как тряпку, выжатую, грязную, мелко подрагивающую тряпку. Хотелось зажать уши руками, чтобы не слышать, как тот гортанно хрипит, словно что-то булькает у него в горле и мешает кричать.

Она продолжала танцевать и молиться Богу, чтобы забыть об увиденном.

Данте аккуратно вытер руки, затем лезвие стилета и снова откинулся на спинку дивана. Он поманил её пальцем, и

девушка подошла, виляя бедрами, остановилась, расставив длинные ноги. Ей было страшно. Она слышала, что о нём шёпотом говорили другие девочки – он безжалостное чудовище, жуткое подобие человека. Равнодушный сукин сын, безумно красивый чокнутый, извращенный ублюдок. Никто не рассказывал подробностей после приватного танца с хозяином заведения, все боялись, но никто и никогда не смел отказать, когда Данте кивал на одну из них и уводил за собой, но они все его хотели, Сара видела этот лихорадочный болезненный блеск в их глазах, когда произносили его имя вслух.

– Тебе достаточно платят, Сара? – голос вкрадчивый, хрипловатый. Девушка кивает и медленно спускает лямки бюстгальтера с округлых плеч.

– Я просил раздеваться?

Замерла и судорожно сглотнула, встретившись с ним взглядом.

– Стань на колени.

Медленно опустила и прикрыла глаза. Данте коснулся её щеки холодным лезвием стилета, и она судорожно сглотнула.

– Ты ведь понимаешь по-итальянски, да? Ты у нас новенькая. Выучила правила, девочка?

Кивнула и сильнее зажмурилась. Внезапно он схватил её за волосы и притянул к себе.

– Ты уже знаешь, что происходит с теми, кто много разго-

варивает, да? Смотри на меня. Знаешь?

Сара открыла глаза и тихо прошептала:

– Да.

Её завораживал его взгляд, светло-голубые глаза с ледяным блеском, слишком светлые для смуглой кожи и черных волос. От страха напряглись все мышцы на теле. Лезвие стилета прошло по её шее, а он продолжал удерживать её взгляд.

– Боишься меня?

Она не просто боялась, а впала в протрацию. Девочки говорили, что иногда он приезжает и берёт одну из них, а то и несколько, но Сара устроилась на работу всего пару недель назад и хозяйина ни разу не видела. Для девочек хозяином был Мэт, управляющий «Домино». Жестокий, но справедливый подонок, умеющий выжимать из них последние соки.

– Расстегни.

Сара послушно дернула змейку на его ширинке и почувствовала, как его пальцы сильнее сжали её волосы на затылке. Стиллет все еще был прижат к её горлу.

Он шумно дышал пока она делала ему минет, захлебываясь, стараясь захватить мощную плоть поглубже, чувствуя, как он безжалостно нанизывает её на член, удерживая за волосы. Сара терпела, молча стараясь доставить максимум удовольствия, ни на секунду не забывая о лезвии в его длинных смуглых пальцах.

Он кончил и оттолкнул её от себя. Через несколько секунд

тихо спросил.

– Ты поняла, для чего предназначен твой рот?

Кивнула и снова зажмурилась, услышала шелест купюр, потом почувствовала, как он засунул ей за резинку трусиков деньги. Встал с дивана и направился к двери.

Сара заплакала, когда он вышел, достала деньги из трусиков, несколько секунд смотрела на стодолларовые банкноты, а потом ее глаза снова расширились от ужаса – в нескольких шагах от неё валялось нечто, очень напоминающее человеческий язык.

Уважение не сравнить со страхом. Да, это чертовски круто, когда тебя уважают, но это не мешает уродам вонзить тебе нож в спину и несколько раз его там прокрутить.

А вот страх заставляет их самих каждую секунду ожидать удара, ворочаться, истекая вонючим, липким потом, на мокрых простынях и ежесекундно проверять, не включен ли газ в квартире, не подсыпали ли яда в чашку с кофе, думать каждую секунду не растворят ли драгоценную супругу, детей и даже собаку с кошкой в серной кислоте. Вот что заставляет людей быть верными и держать язык за зубами – ужас. Он же становится решающим, когда нужно выбирать.

Данте знал это с детства. Нет ничего мощнее страха. Когда-то в давно они возвращались из Нью-Йорка домой, и отец сбил на дороге бродячую собаку. Данте было лет семь, он плакал и умолял отца отвезти псину к ветеринару, но отец

говорил, что она не выживет и лучше пристрелить ее прямо сейчас. Он подал Данте свой пистолет и вместе с ним навел дуло на голову несчастного животного. Данте отказался стрелять и тогда отец нацелился на их Лотти, бультерьера, с которым Данте никогда не расставался. Выбор был сделан – Данте выстрелил, а потом похоронил бродячего пса на обочине. Он усвоил урок. Всегда выбираешь, то, что ближе к телу и дороже, а ещё Данте боялся отца. До дрожи в коленях.

Франко Марини говорил, что нет ничего дороже семьи. Они одно целое. Данте ему верил.

Верил даже тогда, когда мать наглоталась транквилизаторов и умерла во сне, сразу после рождения Альдо.

Через десять лет Данте уехал учиться, и когда вернулся – отец представил им всем новую жену, ровесницу Данте. Молодую, красивую сучку, которая держала отца за яйца покрепче, чем тот свою империю и сыновей. Спустя год родился их младший брат Чико, отец не дожил до его рождения ровно четыре дня – его застрелили, продырявили прямо в центре Чикаго точным выстрелом в сердце.

Копы нашли обглоданные трупы подозреваемых в убийстве Франко Марини на ферме за двести километров от Чикаго. Всех троих живьем сожрали свиньи. И ни одной улики.

Глава 3

Утро было жарким, духота витала в воздухе как растворенная бесцветная патока. В сентябре обычно уже не бывает так жарко. Особенно в конце. Миссис Ирэн Спектор не спалось именно от духоты. Кондиционер не включался никогда – это разносчик страшных вирусов. Она бросила взгляд на светящийся циферблат часов и встала с постели, привычно почистила зубы, тщательно прошлась по ним «ниткой», умылась, намазала своё веснушчатое лицо увлажняющим кремом и долго расчёсывала непослушные рыжие волосы, собирая их в конский хвост. До работы оставалось еще три часа. Она вполне успеет на утреннюю пробежку, затем выпьет чашку эспрессо и отправится в метро на Манхэттен. Сегодня не будет много клиентов. Такие «лысые» дни Ирэн всегда чувствовала.

Она могла бы поехать на своем новеньком «пежо», но миссис Спектор ненавидела пробки. Они ее раздражали. Тем более, она привыкла вот уже в течении десяти лет ездить в свою небольшую контору в здании небоскрёба именно на метро. Ирэн не изменяла этой привычке.

Она надела через голову майку, затем повязку на голову, поправила узкие шорты, завязала шнурки на старых кроссовках и спустилась на лифте вниз. Консьержка её не заме-

тила, впрочем, как и никого здесь. Ирэн это раздражало – им достаточно платят, чтобы они не сидели для мебели и удосужились здороваться с жильцами. Бескультурщина.

В парке мимо неё пробежал парень в наушниках, в черной футболке с длинными рукавами и спортивных синих штанах, с белыми тройными лампасами по бокам. Прямо как во времена ее молодости.

Ирэн не понимала, зачем бегать и слушать музыку, когда можно наслаждаться утренней тишиной. Пением первых птиц. Можно думать, мечтать, следить за правильным дыханием. Ровно полчаса она будет идти спокойным шагом, а потом побежит до круга с фонтанами, там она выпьет минеральной воды из бутылки и снова еще двадцать минут бега, потом вернется домой, примет душ и поедет на работу. По дороге зайдет в булочную и купит черный хлеб грубого помола к обеду.

Как же душно сегодня. Тело стало липким и казалось на кожу садится пыль. Ирэн смотрела только вперед, ничего не замечая, только прислушиваясь к журчанию фонтана – через пять минут она поравняется с ним и сделает ровно пять глотков воды.

В нескольких шагах от неё кто-то лежал на скамейке. Ирэн старалась не смотреть. Это отвлекало, а она любила бегать в полном одиночестве. Она специально выбирала именно этот парк. Здесь всегда тихо.

Взгляд все равно невольно возвращался к чернеющему

силуэту.

Ирэн поправила очки кончиком пальца. Какое ей дело до того, кто там лежит? Может это бомж или наркоман, может даже стоит свернуть и сменить маршрут. Но ведь это неправильно. Нельзя нарушать ритуал, повторяющийся изо дня в день в течение нескольких лет. Так говорит ее психолог, после развода нужно упорядочить свою жизнь и распределить ее по часам, чтобы время ценно использовалось. До сих пор миссис Спектор это помогало не думать о бывшем муже и его новой жене, которая моложе самой Ирэн лет на пятнадцать. Остаться одной в сорок пять лет, без детей и даже без собаки – это довольно паршиво, и Ирэн вот уже несколько лет сидела на антидепрессантах.

На скамейке, кажется, лежит женщина и это странно, но Ирэн нет до этого дела, она пробежит мимо, как всегда, чтобы ровно в 7:00 быть у фонтана. Женщина не двигалась, и теперь Ирэн видела светлые длинные волосы, неестественно вытянутые босые ноги, свисающую со скамейки тонкую руку, которая задевала пальцами газон, в них что-то поблёскивало. Черт, очки запотели.

Миссис Спектор сняла их и на ходу протёрла низом майки, поравнялась со скамейкой и остановилась. Ей стало не по себе. По спине поползли мурашки, а сердце тревожно забилось в горле. Где-то вверху громко закаркали вороны, и Ирэн овладела паника.

Она еще не поняла почему, а когда подошла ближе, к гор-

ду подступила тошнота, и ее вырвало прямо на газон. Ирэн никогда не видела труп так близко, а то, что это труп, не вызвало никаких сомнений, потому что под скамейкой растеклась темная лужа крови, она образовалась под посиневшими пальцами, которые судорожно сжимали сверкающее в утренних лучах солнца лезвие стилета.

Несколько секунд, согнувшись пополам, миссис Спектор смотрела на эту руку, а потом перевела взгляд на лицо девушки и громко закричала.

– Ты не можешь поехать туда в ЭТОМ, Матрешка. Ты хоть в зеркале себя видела? Открывай шкаф, будем искать что-то посексуальнее, чем джинсы и твоя подростковая футболка. Это тебе не школьная дискотека. Ты правда решила поехать на самую крутую вечеринку в джинсах и сандалиях, с дурацким хвостом на макушке? Ты хоть знаешь кто там будет?

Я пожала плечами. Да мне как-то фиолетово, кто там будет. Никогда не бывала на закрытых вечеринках. Самое большее, где меня носило – это клубы, и то несколько лет назад. Алекс не жаловал тусовки, а если мы куда-то и выбирались, то чаще в бильярдную с его друзьями или в ресторан. Это бывало не часто. Алекс – коп, у него никогда нет свободного времени. Возможно – это была основная причина, по которой мы расстались. Точнее, я ушла от него. Два года назад.

– Ты сказала, будем отрываться, и я решила, что мы едем в обычный клуб, у меня всё в этом стиле.

Ли нахмурилась и посмотрела на дисплей смартфона.

– Мы опоздаем, и нас не пустят. Переодевайся. Черт, ну неужели у тебя нет платья, туфель на шпильке...не знаю, ну уж точно не твое тряпье в стиле «хиппи»?

– Может, все же поедешь без меня?

Я затаилась в надежде, но Ли фыркнула и развернула меня к себе, окинула скептическим взглядом и по-хозяйски влезла в мой шкаф. Несколько секунд она ворчала по поводу моего ужасного вкуса, а я смотрела на ее ярко-красное платье, лаковые туфли и маленькую сумочку на тонкой цепочке и думала о том, что сама никогда такое не надевала.

– Вот... Примерь. И давай побыстрее, Матрешка.

Швырнула мне черное платье в мелких блестках, и я искренне удивилась его существованию, видно, валяется со времен моих свиданий с Алексом. Не помню, чтоб я его надевала. Даже бирка с магазина до сих пор не оторвана.

– Так, теперь обувь. Это не то и это не то. Вот...нормальная обувь. Каблук конечно не ахти, но все же сойдёт.

Повернулась ко мне, а я как раз натянула платье через голову.

– Ну вот. Совсем другое дело. Матрешка ты же красавица, в колледже все мальчишки с ума от тебя сходили. Бэби фэйс. Помнишь, как тебя называли?

– Матрешкой называли, – проворчала я и сунула ноги в

туфли. Поморщилась, представляя, как намучаюсь с ними.

Ли подошла ко мне вплотную, распустила мои волосы, взбила их руками, несколько секунд смотрела на меня, и я отражалась в ее светло-карих глазах.

– Ты красавица. И ты дура, что не воспользовалась тогда предложением мистера Стенли из агентства. Ты бы сейчас украшала обложки журналов и подиумы. Была бы покруче Милы Йовович и Саши Пивоваровой. Это я тебе точно говорю, поверь моему опыту.

Я вспомнила, как мать таскала меня по модельным агентствам, как орала на меня, чтоб я не ела на ночь, называла «жирной коровой», накручивала мои волосы на бигуди каждый вечер и мазала меня всякими вонючими отварами. Она хотела, чтоб я стала звездой. Продать меня подороже. Чтоб больше не мыть полы в ресторанах, чужих квартирах и не спать с каждым встречным «папой» за сотню баксов, а иногда и того меньше. Приводила в дом своих любовников в ничтожной надежде, что кто-то из них задержится дольше, чем на пару месяцев. Пока я не выросла и не уехала учиться, мать ваяла из меня некое подобие того, чего сама не добилась. Я, как сейчас, помню ее перекошенное от злости лицо и неизменную сигарету в руках.

«Ты – ничтожество, Кэт. Ты просто идиотка. Мистер Стенли хочет сделать из тебя звезду, а ты...

– Мистер Стенли уродливый жирный педофил, который хочет меня трахать и платить тебе за это деньги, понятно?

Я уезжаю учиться и жить нормальной жизнью. НОРМАЛЬНОЙ.

– Нормальной? А что ты называешь нормальной жизнью, Кэт? Мыть полы? Стать посудомойкой? Официанткой? У меня нет денег оплачивать тебе университеты. У меня нет ничего, Кэт. Твой ублюдочный отец оставил меня с кучей долгов, двумя детьми и свалил в неизвестном направлении. Когда Питер умер, у нас ничего не осталось. Все ушло на лечение. Я смогла дать тебе только внешность. Пользуйся ею. Продай подороже. Кэт! Ты не посмеешь так со мной поступить... Кэт, я подписала контракт с мистером Стенли!

– Пусть он засунет его себе в задницу, а деньги на обучение я заработаю».

Звонкая пощечина, взгляды, полные обоюдной ненависти и я с рюкзаком, бегущая по лестнице вниз, а вдогонку истеричный голос матери:

– Ты не оставишь меня, Ты не смеешь вот так уезжать. Кэт!!! Катя!

Если бы ты не была такой эгоисткой, такой жадной... отец бы не бросил тебя».

Я снова сфокусировалась на Ли, та продолжала смотреть мне в глаза:

– Ты такая красивая, Матрешка. Если бы ты знала, какая ты красивая. Тебе даже краситься не нужно.

Я кивнула и обняла ее. В вашей жизни есть люди, кото-

рые вас согревают. Их ничтожно мало, возможно, единицы, а возможно их и вовсе нет, но они дают тепло... уверенность в завтрашнем дне, своё плечо, и как бы низко вы не упали – они протянут вам руку, чтобы поднять вас. Мне повезло – у меня есть Ли.

– Ли, я так соскучилась по тебе.

Ли не замолкала, у неё была совершенно невыносимая привычка болтать без умолку.

Она вела свой старый «шевроле» по улицам Нью Йорка, окутанным знойным маревом, испаряющимся от раскалённого за день асфальта, врубив музыку и заодно перекрикивала басы и поглядывала на меня из–под изогнутых, тщательно покрашенных ресниц. Я конечно ужасно по ней скучала, но сейчас мои мозги окончательно расплавились от июльской жары и от собственных мыслей.

– Матрешка!

Я повернулась к ней и натянуто улыбнулась.

– Просто устала за последние дни. Ужасно.

Ли надула губы и прикрутила слегка музыку.

– Ты вообще представляешь куда мы едем? Ты никогда в своей жизни не бывала и не побываешь на такой вечеринке, Катя. Никогда. Я сама чудом получила приглашение и для тебя одно выдрала. Ричард жуткий скот и жадина, но я, мать

его, заслужила и он об этом прекрасно знает.

Ричард – начальник Ли, тварь еще та, притом неблагодарная. Я была с ним знакома. Из тех ублюдков, которые считают работников рабами и своей собственностью и выжимают из них последние соки. По принципу «незаменимых нет, но если ты хочешь отпуск, то ты единственный и неповторимый». Впрочем, Ли умудрялась из него вытаскивать все, что ей причитается. Мы, иммигранты, хорошо изучаем права и законы той страны, в которой живём, потому что «отыметь» пытается каждый работодатель. Мне повезло, я работаю в муниципальном учреждении, где с правами работников носятся как с писаной торбой, Ли повезло намного меньше в этом плане, но она своего не упустит.

Я бросила взгляд в боковое окно – мы как раз проезжали мимо Центрального Парка ... Тело Аниты нашли именно здесь, она словно и не пряталась, как будто специально пришла и ждала, что кто-то её остановит, помешает.

Я словно видела её хрупкую фигуру вдалеке между деревьями, как она ходит там с плеером в ушах в чёрной длинной юбке и свободной блузке. Ветер треплет её светлые, длинные волосы. На неё никто не обращает внимание, а ведь она сжимает в пальцах стилет... и с него капает кровь. Медленно. Капля за каплей.

– Ты меня совсем не слушаешь!

Я вздрогнула и повернулась к Ли.

– Что происходит с тобой? Это всё эта пациентка, да? Ко-

торая порезала вены?

Я выдохнула и откинулась на спинку сидения.

– Да.

– Тебе нужен отпуск. Обязательно. Ты должна отдохнуть от этих невменяемых деток и их родителей. Хочешь уедем вместе. Куда угодно. Давай к тебе на Родину. А? Когда ты там была в последний раз?

Я усмехнулась. Родина. Как пафосно звучит. Я даже не помню, как выглядят улицы в моем родном городе, но помню запах сирени и цветущих каштанов. Помню двор с покосившейся берёзой и скамейкой, выкрашенной в синий цвет. Помню окна нашей квартиры...но...меня туда не тянет. Со-всем. В отличие от моей матери, которая чуть ли не каждый день причитала о том, как ей хочется вернуться и при этом даже не звонила своим подругам и нашим родственникам. «Они попросят денег, Катя. Обязательно попросят, а я не смогу отказать. Все думают, что мы тут в золоте купаемся». Я так и не поняла – она хотела, чтобы они так думали или злилась на них за это?

– Куда мы едем? – я решила сменить тему.

– Наконец–то. Я уже думала, ты никогда не спросишь. В Вудсайд. В шикарный особняк на закрытую вечеринку. Ты даже не представляешь, с кем мы заключили сделку. Имя Данте Марини тебе ни о чем не говорит?

Я резко повернула голову и уставилась на Ли.

– Да, ты не ослышалась. Марини заключил с нами сделку еще несколько месяцев назад. Слышала рекламу: «Ола ... ола...если он привел вас в «Доминос» вы обязательно поиграете этой ночью, но совсем в другие игры...».

Смутно припоминала. Реклама сети ресторанов, которая совершенно не походила на рекламу, а скорее на трейлер к эротическому триллеру с высоким рейтингом.

– Да, это моя работа. Моя идея.

Я снова кивнула и от неожиданности судорожно сглотнула.

– И...какой он? Данте Марини...

Имя отскочило от языка, завибрировало, почему-то заставило сердце биться на пару ударов быстрее.

– Я с ним почти не общалась. Видела один раз. Он невероятный. Опасный, красивый, наглый и неприлично богатый сукин сын. О таких мечтают по ночам, закрыв глаза, ритмично двигая рукой у себя между ног.

– Ли!

Она расхохоталась и снова врубила музыку погромче.

– Сексуальный, умопомрачительный итальянский жеребец, который покрывает только самых дорогих кобылок. Эх... почему я не звезда экрана... Надеюсь, он сегодня будет на этой вечеринке, потому что я планирую подобраться к нему поближе.

Ли плотоядно облизалась и посмотрела на меня.

– А как же новый бойфренд?

– Никак. Сексуальные только его фантазии, которые пока что он пишет мне в личку на Фейсбуке. Мы ещё не встречались, а мне нужно тело. Молодое, сильное, голодное тело. Хотя этому телу вряд ли понравится моё, но попробовать стоит. О...мы почти приехали.

Я нервничала. Не просто нервничала, а у меня даже руки подрагивали. Я несколько недель думаю об этом человеке, не зная, как к нему подобраться и сейчас вот так запросто еду на закрытую вечеринку в его особняк? Мне повезло? Или это совпадение?

Глава 4

Я увидела его сразу. Нет, не потому что искала, хоть и собиралась, а потому что его нельзя было не заметить. Есть люди, вокруг которых создаётся магнитное поле, невидимая затягивающая воронка дикого соблазна. К ним невольно обращены все взгляды, их голос будоражит каждый нерв, а мимика и харизма, заставляет сердце пропускать по удару.

Вовсю орала музыка, на высоких столбах крутились разноцветные неоновые лампочки и струилась дымка сиреневого марева по мраморным черным плитам на заднем дворе особняка, оборудованном для вечеринки под открытым небом, на территории величиной с небольшое футбольное поле.

Я могла бы рассматривать толпу, великолепные фонтаны, бьющие зеркальными струями прямо в небо, барные стойки, украшенные сверкающими огоньками, как на дискотеке, но я видела лишь его. Я ещё не отдавала себе отчёт, что именно меня так привлекает моя настойчивая маниакальная потребность докопаться до правды или он сам. Хотя, с каждой секундой, с каждым вздохом и пульсацией взбудораженной крови по венам, первое плавно перетекало во второе.

Ли что-то кричала мне на ухо, но я её не слышала, только удары собственного сердца и бешеный всплеск адреналина.

Я смотрела и слышала свой собственный голос, который шептал восторженно: «О.Мой.Бог». Я не могла противиться этому короткому помешательству, оно было сильнее меня. Нет, ещё вчера я даже вполтину не представляла себе какой он – Данте Лукас Марини. Фотографии и на четверть не смогли передать ни его шарма, ни дикой животной сексуальности, ни дьявольской красоты.

Его черные волосы были небрежно взъерошены, а черты лица словно высечены из гранита. Темно-бордовая рубашка оттеняет великолепный бронзовый загар на сильной шее, в распахнутом вороте которой я вижу, как поблёскивает тонкая цепочка. Почему-то я была уверена – на ней точно не крест.

Нет, ничего более горячего и воспламеняющего кровь я никогда раньше не наблюдала. Дело не только во внешности, а, скорее, в каждом движении, улыбке, жестах, самоуверенных кивках головы, вальяжной позе хозяина вселенной. В заворожённых взглядах женщин, которые пялились на него вместе со мной. Одна из них стояла очень близко и что-то записывала в блокнот в тот момент, как итальянец смеялся, курил, бросал взгляды на других, внимающих ему как Богу самок, брал бокал с подноса у официанта и снова смотрел на свою собеседницу, которая неосознанно, выражаясь на языке жестов, явно мечтала отдаться ему прямо здесь и сейчас.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.